

МИРОВАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Д.Э. Летняков

Н.М. Карамзин и зарождение националистического дискурса в России

Летняков Денис Эдуардович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: letnyakov@mail.ru

В статье рассматривается процесс формирования националистических идей в России в конце XVIII – начале XIX вв. – условия и причины их возникновения, их развитие, а также различные коллизии, связанные с усвоением европейского концепта нации в самодержавном, сословном и имперском государстве. Автор показывает, что особую роль в становлении русского националистического дискурса на его раннем этапе сыграл Н.М. Карамзин, сумевший наметить в своем творчестве ряд важных для этой идеологии в России тем, заложивший определенные мировоззренческие особенности, присущие всему русскому национализму, по крайней мере, до 1917 г. Поэтому политико-философское наследие Карамзина следует интерпретировать не только в контексте идей русского консерватизма, как это обычно делается, но и с точки зрения идеологии русского национализма.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, национализм, консерватизм, идеология, Россия, Европа, нация, народ

Если человеку, знакомому с историей русской мысли, задать вопрос, какое место в ней занимает Н.М. Карамзин, наверняка первое, о чем будет упомянуто, – это значение Карамзина как родоначальника русского консерватизма, как человека, который впервые внятно сформулировал ключевые постулаты этой идеологии применительно к России [Карамзин, Записка...]. Есть, однако, и другой аспект интеллектуального наследия Карамзина, о котором говорится намного реже, – это его роль как одного из создателей националистического дискурса в России¹.

Стоит на всякий случай оговориться, что термин «национализм» употребляется здесь в ценностно-нейтральном ключе, без каких-либо заведомо негативных коннотаций, связанных с шовинизмом, ксенофобией и пр., – такое понимание национализма прочно утвердилось в зарубежном академическом сообществе, но еще не совсем прижилось в России. В рамках данного подхода под национализмом понимается, прежде всего, совокупность взглядов, идей, а также практик, связанных со строительством национальных государств. Это чрезвычайно широкое определение, однако дать более точную дефиницию весьма затруднительно в силу разнородности национализма как явления и многозначности самого термина (скажем, к немецким националистам при желании можно отнести и Бисмарка, и Гитлера), заставляющие

¹ Из обнаруженной мною литературы, в которой творчество Н.М. Карамзина рассматривается в таком контексте, можно отметить следующие работы: [Живов, 2008; Тишков, 2008, с. 477; Гринфельд, 2008, с. 218–250].

го исследователей делать выводы, что «национализма как такового не существует» [Малахов, 2005, с. 9], ибо каждый раз мы имеем дело с конкретной интерпретацией понятий «нация» и «национализм», с той или иной разновидностью националистического дискурса.

Соответственно, говоря о национализме применительно к российским реалиям конца XVIII – начала XIX вв., я в первую очередь имею в виду *круг идей, связанных с новым восприятием государства*: теперь оно начинает пониматься не просто как совокупность земель, находящихся под управлением монарха², но как политическое тело конкретной общности населения – русского/российского народа (слово «нация» тогда использовалось намного реже). Иначе говоря, перед нами начало одной из важнейших трансформаций эпохи Модерна – перехода от традиционного, сословно-династического к национальному государству. Это был долгий процесс, который в европейских странах занял не одну сотню лет, – например, несмотря на провозглашение идеи единой французской нации в ходе Великой французской революции, национальное самосознание у французских крестьян возникает лишь к началу Первой мировой войны [Weber, 1976]. Еще более сложным и извилистым был путь к национальному государству в России, где политическая и экономическая модернизация проходила со значительным отставанием от стран Запада, где континентальный тип империи затруднял разделение на метрополию и колонии и т. д. Более того, можно сказать, что в некотором смысле формирование национального государства до сих пор является актуальной проблемой для России.

Таким образом, в данной статье будет рассмотрено *самое начало* российского пути к национальному государству, а именно – продуцирование частью русской интеллектуальной и политической элиты во второй половине XVIII – начале XIX вв. нового для России дискурса, связанного с понятиями «нация», «народ», «национальный характер», «отечество», «патриотизм» и пр. Меня будут интересовать, прежде всего, условия и причины возникновения упомянутых идей на русской почве, их развитие, а также различные коллизии, связанные с усвоением европейского концепта нации в самодержавном, сословном и имперском государстве. При этом основной акцент будет сделан на творчестве Н.М. Карамзина. Он представляется мне чрезвычайно важной фигурой, вокруг которой и может быть выстроен разговор о зарождении русского националистического дискурса, но прежде чем перейти непосредственно к Карамзину, стоит хотя бы кратко обозначить тот идейно-политический контекст, благодаря которому стало возможным формирование его взглядов.

Петровская европеизация и эволюция представлений о государстве

В допетровской Руси термин «государство» был неразрывно связан с «государем», «держать государство» означало распространять свою власть на определенную территорию. И хотя в политическом дискурсе XVII в. постепенно происходят определенные изменения, например, появляется слово «народ», возникают тенденции к деперсонализации института государства, его обособлению от государя (об этом свидетельствует, в частности, выражение «Московское государство» [Кром, 2006]), все же в допетровскую эпоху государство в России мыслится почти исключительно в сословно-династической логике.

Серьезная трансформация в понимании природы государства прослеживается в ходе петровских реформ, когда в России возникает само понятие «отечество», «отчизна» [Гринфельд, 2008, с. 189], что знаменовало собой начало принципиально важного для нас процесса – отхода от традиционной трактовки государства лишь как

² Вспомним в этой связи титулатуру русских царей, возникшую в Московской Руси: «самодержец Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, Государь Псковский и Великий князь Литовский и т. д. ...».

собственности государя. Государство впервые «становится не личной царской вотчиной, а общим достоянием и благом, безличной родиной и отечеством...» [Там же, с. 187]. Очевидно, что интересующая нас перемена произошла под влиянием европейских политических идей, – вспомним, что уже один из ближайших сподвижников Петра I, Феофан Прокопович, привносит в Россию новые представления о государстве, учреждаемом ради достижения «общей пользы» в соответствии с «волей народной» [Прокопович, 2010, с. 350, 357] (теория общественного договора). Соответственно, расширяется и содержание понятия «служба» – если раньше существовала лишь «государева служба», то теперь говорится и о «службе Отечеству». Так, в царском обращении к войскам И. Мазепы, перешедшего на сторону Карла XII, гетману ставится в вину не только предательство лично царя, но и нанесение ущерба «государству Российскому»; аналогичным образом петровская «Табель о рангах» обуславливает продвижение по чинам «службой Нам [царю] и Отечеству» [Гринфельд, 2008, с. 189]. Присуждение Петру I императорского титула в 1721 г. опять же было произведено «именем всего народа российского» [Там же, с. 189]. С петровской эпохи можно проследить и употребление в России слова «нация», которое было заимствовано, по-видимому, из Польши и долгое время оставалось полисемантическим, употребляясь в значении суверенной державы, всего населения страны, а также дворянского сословия [Миллер, 2012, с. 163–164].

Разумеется, все сказанное вовсе не означает, что при Петре в России появляется что-то близкое к идее гражданства или суверенитета народа. Да, Прокопович использует в своих сочинениях западные концепты типа естественного состояния и общественного договора, он рационализирует представление о цели государства, вводя понятие «общей пользы», однако одновременно с этим он сознательно выхолащивает из европейских политических теорий весь их эмансипаторский пафос. В результате определять общее благо в его трактовке может исключительно монарх, власть которого «законами не связуема и суду человеческому отнюдь неподлежащая» [Прокопович, 2010, с. 353]. Весьма показательна в этом смысле и введенная Петром новая форма челобитных на имя царя, согласно которой просители должны были подписываться «Вашего Величества нижайший раб такой-то» [Гринфельд, 2008, с. 188]. Тем не менее, несмотря на такую консервативную «редактуру» западных концепций, импорт из Европы ее политического вокабуляра стал первым важным шагом в сторону переосмысления природы российского государства, отхода от его средневекового понимания, что вело, в свою очередь, к необходимости каким-то образом обозначить, идентифицировать ту общность населения, которая ради «общей пользы» учредила верховную самодержавную власть в своем «отечестве». Отсюда и появление новых терминов, незнакомых допетровской эпохе, – «народ Российский», «нация», «россияне» и т. д.

Следующим логичным шагом стало наделение «народа Российского» какими-то отличительными чертами, конституирующими это сообщество. И здесь зарождающийся русский национализм не демонстрирует никакой специфики – он закономерно следует в русле общеевропейских тенденций, апеллируя, прежде всего, к языку, истории и особому национальному характеру.

Первый видится воплощением национального своеобразия (вспомним известную идею И. Гердера о том, что «душа народа» находит свое выражение в языке), важнейшей предпосылкой появления самобытной культуры. Прославление родного языка можно встретить у многих авторов той эпохи. Например, В.К. Тредиаковский говорит о превосходстве «славяно-русского» языка над европейскими на том основании, что первый происходит из церковнославянского, который столетиями был языком религии и духовной жизни, тогда как вторые традиционно использовались в более приземленной сфере (политика, торговля, повседневное общение) [Там же, с. 234]. Похожие идеи можно встретить и у М.В. Ломоносова. Еще один известный борец за чистоту русского языка и его высокий статус в обществе – это А.С. Шишков,

для которого язык является «квинтэссенцией национальной культуры, выражением и воплощением национального менталитета...» [Альтшуллер, 2011, с. 45–46]. Поэтому-то Шишков и обрушивается с жесткой критикой на современную ему русскую литературу, чересчур, на его взгляд, подражательную, едва ли не списанную с французской: «...вместо чтения своих книг, читаем Французские, вместо изображения мыслей своих по принятым издревле правилам и понятиям, многие веки возроставшим и укоренившимся в умах наших, изображаем по правилам и понятиям чужого народа» [Шишков, 2010b, с. 77]. Для Шишкова «древний Славенский язык» (т. е. церковнославянский) – основа национальной традиции, та самая духовная опора, которой можно противопоставить иноземное культурное влияние, поэтому столь важно, доказывает он, воспитывать и обучать отпрысков русских дворян не на французском, а на их родном языке, иначе они не станут настоящими русскими. В преддверии Отечественной войны 1812 г. Шишков объединится с другими защитниками чистоты русского языка и самобытности русской культуры, возникнет известное общество – «Беседа любителей русского слова».

Не менее языка для националистического дискурса важно и конструирование исторического нарратива: общее прошлое, память о страданиях и победах призваны сплачивать нацию; история дает примеры героев, которые входят в национальный пантеон, она помогает создавать мифы, призванные мобилизовать нацию на какие-то действия в настоящем. Неудивительно, что в XVIII в. начинается активная работа над созданием русской истории. Первоначально у истоков отечественной исторической науки стояли преимущественно немецкие ученые, в частности первый в России исторический журнал стал издавать Г. Миллер еще в 1732 г., однако затем возникает идея, что свою национальную историю русские должны писать сами, что история – это, прежде всего, описание подвигов предков, героизация великого прошлого. Отсюда полемика М.В. Ломоносова с «норманнской школой» в историографии, выдвинувшей «антипатриотический» тезис о скандинавском влиянии на зарождение русской государственности, и вообще интерес ученого к историческим изысканиям. В этом же контексте можно рассматривать и создание первых исторических поэм в России – ломоносовского «Петра Великого» и «Россиады» М.М. Хераскова.

Наконец, третий важный элемент формирующегося националистического дискурса – это так называемый «национальный характер». Ближе к концу XVIII в. в русском образованном обществе становятся крайне популярными выражения типа «душа народа», «народный характер», «национальный вкус», «народное свойство» и другие подобные термины [Бадалян, 2006, с. 109], отражающие распространенные тогда примордиалистские, романтические представления о нации. Так, один из членов «Дружеского литературного общества» А.Ф. Мерзляков много рассуждал об «образованности народной», которая была у него синонимом понятия «национальный характер», – составляют ее «качества врожденные и приобретаемые, которыми отличается один народ от другого, зависящие от климата, религии, правительства» [Там же, с. 111]. Другой член этого общества, А.И. Тургенев, сетовал на то, что у нас нет современной русской литературы, если понимать под последней искусство, в котором воплощается национальный характер того или иного народа: «Прочтите английские стихотворения и вы увидите дух англичан, то же самое с французами или немцами, с помощью их произведений вы можете судить о характере их наций, но что вы можете узнать о русской нации», читая русскую литературу [Соопер, 2008, р. 355]? Поразмышлять над вопросом «В чем состоит наш национальный характер?» предлагал русскому обществу Д.И. Фонвизин [Фонвизин, Несколько вопросов...].

Таким образом, можно констатировать, что к рубежу XVIII–XIX вв. многие важные составляющие националистического дискурса вполне укореняются среди русской интеллектуальной элиты: это само понятие нации в значении всего населения страны; идея русского патриотизма – уже упомянутый А.С. Шишков посвящает этой теме целые произведения [Шишков, 2010 а] (замечу в скобках, что династические

государства не знали идеи патриотизма в привычном нам смысле этого слова; используя известный лозунг, можно сказать, что там люди могли воевать за веру или царя, но не за отечество); это концепт «народа российского», обладающего особым национальным характером и другими отличительными свойствами; стремление к развитию русского литературного языка и его популяризации среди «офранцузившегося» дворянства и пр. При этом национализм в России с самого начала появляется как продукт европейского заимствования – петровская вестернизация послужила толчком к возникновению такого рода дискурса, западные веяния определяли и его дальнейшее развитие в XVIII – начале XIX в. Ряд исследователей в этой связи особое внимание уделяет влиянию на русских интеллектуалов немецкого романтизма, противопоставившего универсализму Просвещения национальный партикуляризм и выдвинувшего концепции вроде «народной души», воплощенной в языке и культуре [Thaden, 1954], кто-то делает акцент на рецепцию европейского сентиментализма, особенно идей Ж.-Ж. Руссо [Живов, 2008]. Так или иначе, подходя к ключевой для нас фигуре Н.М. Карамзина, мы можем зафиксировать, что формирование его национально-консервативного мировоззрения было уже подготовлено развитием соответствующих идей в российском обществе в предшествующие годы и даже десятилетия.

Вклад Н.М. Карамзина в дальнейшее развитие националистического дискурса

В конце XVIII – начале XIX в. события, связанные с Францией, дважды послужили мощным катализатором патриотических и националистических настроений в России: в первый раз причиной стала Великая французская революция, во второй – наполеоновские войны (включая, естественно, Отечественную войну 1812 г.). Творчество Н.М. Карамзина наглядно отражает это влияние французских или, шире, европейских событий на националистический дискурс в России. Если в «Письмах русского путешественника» он еще позволяет себе выражения вроде «все *народное* [т. е. национальное] ничто перед *человеческим*. Главное быть *людьми*, а не Славянами» [Карамзин, Письма...], то написанная спустя два года, в 1792 г., историческая повесть «Наталья, боярская дочь» начинается уже такими словами: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком...?» [Карамзин, 2002, с. 27].

Если влияние наполеоновских войн на формирование русского национализма вряд ли нуждается в объяснении, то его связь с Великой французской революцией все же требует комментариев. А дело заключалось в том, что события революции, в особенности казнь короля и якобинский террор, заставили значительную часть русского образованного класса (читай: дворянства, аристократии) более настороженно относиться к Европе, откуда исходят столь опасные для существующего порядка веяния. Стремление оградить русское общество от «заразы французской» необходимым образом вело и к поиску каких-то фундаментальных отличий России от Европы – в историческом развитии, в политическом строе, в чертах пресловутого национального характера и т. д. Ведь если мы другие, если мы чем-то сущностно отличаемся от Европы, значит у нас есть шанс уберечься от повторения французского сценария. Ровно так рассуждал С.Н. Глинка, основывая в 1808 г. журнал «Русский вестник»: моя главная задача – отмечает он – это борьба с «философами восемнадцатого века», гибельность идей которых обнажила Французская революция; нейтрализовать зловерное вольтерьянское влияние можно лишь напоминанием о традиционных русских добродетелях, примеры которых нам во множестве дает допетровская Русь [Martin, 1998].

В этом контексте становится понятным пристальное внимание Карамзина к русской истории – написав две исторические повести, «Наталья, боярская дочь» и «Марфа-посадница, или покорение Новагорода», в 1803 г. Карамзин в звании офи-

циального историографа начинает многолетнюю работу над «Историей государства российского». Изучение отечественной истории объяснялось, конечно же, не только исследовательским любопытством; Карамзин ставит перед собой две чисто идеологические задачи: (а) «приучить россиян к уважению собственного» [Карамзин, О случаях...], иначе говоря, возбудить патриотические настроения, и (б) продемонстрировать русскому обществу, в чем состоит его особость, национальная индивидуальность. Создание исторического нарратива, отвечающего этим целям, было давней мечтой Карамзина – еще в «Письмах русского путешественника» он отмечал необходимость написания «хорошей Российской Истории», в которой были бы показаны «все черты, которые означают свойство народа Русского» [Карамзин, Письма...]. Там же критикуется «История России» Пьера Левека – будучи французом, он вообще зря взялся за этот труд: «...не наша кровь течет в его жилах; может ли он говорить о Русских с таким чувством, как Русской?» [Там же]. Карамзин принимается за дело сам.

После выхода «Истории государства Российского» образованные «россияне» действительно наконец-то узнали собственное прошлое, вернее увидели его сквозь талантливо сконструированный исторический миф, многие положения которого в разных формах воспроизводятся до сих пор. Хотя Карамзин был не первый, кто взялся за написание фундаментального труда по отечественной истории, все предыдущие попытки были сделаны либо по-латыни и по-немецки (А. Шлецер), либо на архаичном русском языке, с тяжелым и неповоротливым слогом (В. Татищев, М. Щербатов), а потому они не могли оказать большого влияния на русскую культурную жизнь [Thaden, 1954, p. 506–507]. Карамзинская же «История» сразу стала одной из самых читаемых книг того времени. По выражению А.С. Пушкина, Карамзин открыл для русских «Древнюю Россию», как Колумб Америку, что безусловно стало важным моментом в формировании национального самосознания и русского патриотизма.

Что касается второй задачи – обнаружения в прошлом какой-то исконной русской самобытности, то Карамзин справляется и с ней, находя эту особость в самодержавии. Последнее превращается у него не просто в основу политической традиции, но в *сущностную черту русскости как таковой*: «“русскость” [для Карамзина] воплощается в самодержавии и государстве... Преемственность между Киевом и Москвой [как двумя этапами русской истории] не культурная, религиозная или этническая, но политическая» [Kohut, 2001, p. 73]. Быть русским значит любить царя, это чувство Карамзин делает одной из главных черт русского национального характера, тем, что принципиально отличает русских от народов Западной Европы, где отношения между властью и обществом нередко основывались на конфликте. Давние патерналистские чувства русского народа («самовластие» в России *изначально* «утвердилось с общего согласия граждан» [Карамзин, 2007, с. 86]) есть гарантия того, что политическое развитие России не пойдет по революционному европейскому пути. Тем самым, как верно отмечает В. Живов, у Карамзина концепт нации не противопоставляется абсолютной монархии, но дает последней новую легитимность [Живов, 2008, с. 129], ведь самодержавие есть то, что отвечает глубинным свойствам русского национального характера. Поэтому-то Карамзину крайне важно показать органичность самодержавия для России; стремясь максимально удлинить отечественную патерналистскую традицию, он уже призвание Рюрика в Новгород называет «основанием монархии» [Карамзин, 2007, с. 86], ставя тем самым знак равенства между политической историей русских и историей самодержавия: Россия возникла одновременно с самодержавием, без самодержавия не было бы России.

Все это делает национализм Карамзина весьма своеобразным. С одной стороны, в нем совершенно отсутствует не только принцип суверенитета народа, но также и гражданское равенство – в «Записке о древней и новой России» Карамзин прямо защищает сословные привилегии, утверждая, что к России вообще неприменимо понятие общегражданских прав: «У нас дворяне, купцы, мещане, земледельцы и проч. – все они имеют свои особенные права – общего нет, кроме названия русских» [Карамзин,

Записка...]. Таким образом, Карамзиным по понятным причинам отвергается концепт политической нации, идущий от Великой Французской революции. С другой стороны, его нельзя назвать в полной мере и сторонником культурной трактовки нации, которая обычно связывается с традицией немецкого романтизма. Увлеченность Карамзина описанием «необходимости самовластья» приводит к тому, что общая культурная идентичность «россиян» становится для него вопросом вторичным.

В этом смысле Карамзин, пожалуй, квази-националист, его «монархический патриотизм» [Raeff, 1991, p. 18] – явление переходное, пытающееся примирить традиционный тип легитимации власти, основанный на лояльности монарху, с нарождающимся национальным типом легитимации. Весьма показательно и название главного исторического труда Карамзина – «История *государства* Российского», т. е. он пишет, прежде всего, историю государства, самодержавной власти, а как бы заодно и историю народа, находившегося тысячу лет под благодетельным управлением этой власти. Поэтому можно согласиться с А.И. Миллером, заметившим где-то, что первую русскую историю с чисто националистической точки зрения напишут все-таки позже – в 1829 г. Н.А. Полевой приступит к работе над «Историей русского *народа*», подчеркнув в названии свое принципиальное расхождение с Карамзиным в выборе объекта исследования, а еще позднее Н.Г. Устрялов напишет «Русскую историю до 1855 г.», главной целью которой будет демонстрация «исторического единства» восточнославянских народов и исконно русского характера юго-западных окраин империи [Kohut, 2001, p. 73].

Кроме того, Карамзин не делает и другого шага, характерного для более поздних националистов, – он почти не пытается выделить собственно русских среди других народов империи, не стремится очертить границы «исконных русских земель», русской национальной территории и как-то соотнести их с общеимперским пространством [Миллер, 2000, с. 31–41; Миллер, 2008, с. 69–71, 147–171]. Столь любимое им слово «россияне» означает у него просто жителей России, всех подданных русского царя, а не этнических русских. Это явно видно, в частности, по тексту под названием «Мнение русского гражданина», адресованному Александру I в связи с его планами восстановления польской государственности. Осуждая все подобные проекты, Карамзин, среди прочего, замечает, что «Поляки, законом утвержденные в достоинстве особенного, державного народа, для нас опаснее Поляков-Россиян» [Карамзин, 2010, с. 365–366]. Характерно и то, что у Карамзина работает чисто династийная аргументация – восстановление Польши как суверенного государства будет означать отпадение от России земель, присоединенных Екатериной II, а царь не имеет права разбрасываться территориями, доставшимися ему по наследству, бывшими ранее законной частью Российской державы. При этом ни слова не сказано о том, что на территории Польши в границах 1772 г. живут русские люди (крестьянство Украины и Белоруссии), которые после отделения окажутся во враждебном им государстве, – тезис о русскости малороссов и белорусов и необходимости защищать их от польского влияния возникнет только после польского восстания 1830–1831 гг. [Миллер, 2010].

Можно упомянуть еще одну особенность национально-консервативного мировоззрения Карамзина: при всей своей настороженности по отношению к политическому развитию Европы и критике галломании среди русских дворян, он вовсе не антизападник. Карамзин как автор «Писем русского путешественника», написанных в ходе его поездки по Европе, кажется мне едва ли не лучшим воплощением феномена русского европейца. Он предстает там как человек, который привязан к своей стране, но вместе с тем чувствует себя в Европе как дома, он прекрасно знаком с западной культурой, говорит на трех европейских языках, он запросто заходит в гости к И. Канту, чтобы выразить ему свое почтение и т. д. И хотя «Письма» традиционно относят к более раннему, «либерально-вольнодумному» периоду творчества Карамзина, он и в дальнейшем не желал разрыва между Россией и Европой – в 1818 г. он говорит, что «Петр Великий, могучею рукою своею преобразовав Отечество, сделал нас подобными другим *Европейцам* (курсив мой. – Д.Л.)» [Карамзин, 1982, с. 144].

И все же Карамзин, возможно, сам того не желая, стал, как мне кажется, фигурой во многом рубежной, знаменующей собой возникновение нового типа дискурса об отношении России к Западу. Если среди русских интеллектуалов XVIII в. практически безраздельно господствовал концепт «российской Европии», т. е. идея России как части Европы, в чем-то еще отсталой, но успешно преодолевающей свое отставание благодаря гению Петра³, то на рубеже XVIII–XIX вв. возникают предпосылки для альтернативных представлений о цивилизационной идентичности России. Дискурс о «неевропейскости» России складывался постепенно – Карамзин, испугавшись западной «свободы, равенства и братства», поспешил указать на русскую особенность исключительно в политической сфере, фактически сделав патернализм главным отличием русских от западных народов; славянофилы, творчески развив эту карамзинскую идею, добавили к ней целый комплекс различий между Россией и Западом, вроде русского общинного духа, православной духовности и пр. Вместе с тем славянофильское неприятие современного им Запада нельзя воспринимать как антипатию к Европе вообще [Межуев, 2011, с. 9–49]. Уже во второй половине XIX в. среди русских националистов и консерваторов возникнет тот самый *рессентимент* в отношении Запада, о котором писала Л. Гринфельд, ошибочно назвав его *исток* русского национализма. Наверное, можно сказать, что окончательный переход от идеи «российской Европии» к модели «Россия и Европа» очевиден в концепции Н.Я. Данилевского, автора одноименной работы.

Возвращаясь к эпохе Карамзина, замечу также, что серьезной проблемой для формирующегося русского национализма стал культурный разрыв между элитой и народом, корень которого виделся в петровских реформах. То, что элита говорит на другом языке, нежели остальное население, имеет иную культуру и образ жизни, не считалось чем-то странным или неправильным в донационалистическую эпоху. В династическом государстве элита даже стремилась подчеркнуть свое иноэтническое происхождение (вспомним миф о сарматских корнях польской шляхты или теорию, согласно которой французская аристократия происходит от завоевателей-франков, тогда как крестьянство от покоренных галлов). Долгое время никого не смущало, что венгерское дворянство говорит по-латыни и по-немецки, элита Османской империи – на персидском и арабском языке, а русская элита – на французском. Однако националисты, рассматривающие народ как единое целое, как живой организм, уже считают культурный раскол патологией, которую необходимо устранить.

Галломанию русского дворянства высмеивали многие интеллектуалы еще екатерининской эпохи – Д.И. Фонвизин, Н.И. Новиков и пр., – однако Карамзин был одним из первых, кто в этом вопросе пошел гораздо дальше сатиры и различных острот, пытаясь концептуально обосновать ложность существующего в русском обществе положения. Он доказывает, что нация в идеале составляет некую неразрывную целостность, ибо люди, в нее входящие, должны чувствовать и думать одинаково: «Жители одного государства образуют всегда, так сказать, электрическую цепь, передающую им одно впечатление посредством самых отдаленных колец или звеньев» [Карамзин, 2010, с. 232]. Это органическое единство и было утрачено в России в ходе петровских реформ: «Русский земледелец, мещанин, купец увидел Немцев в Русских Дворянах» [Карамзин, Записка...], у последних же сформировалось чисто космополитическое сознание (они «стали гражданами мира»). В результате ослабел «дух народный».

Позже ламентации по поводу культурной раздвоенности русского народа станут неотъемлемой частью риторики славянофилов и почвенников. Русские самобытники, вслед за Карамзиным, будут видеть в сосуществовании высокой европеизированной

³ Лучше всего этот тип дискурса отражен в Наказе Екатерины II, написанном для Уложенной комиссии 1767 г.: «Россия есть держава Европейская. Доказательство сему следующее. Перемены, которые в России предпринял ПЕТР Великий, тем удобнее успех получили, что нравы бывшие в то время совсем не сходствовали с климатом, и принесены были к нам смешением разных народов и завоеваниями чуждых областей. ПЕТР Первый вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал» [Наказ Императрицы..., 1907, с. 2–3].

культуры элит и автохтонной культуры масс какую-то уродливую особенность отечественной жизни, хотя в действительности культурная пропасть между элитой и народом не была уникальным российским явлением, скорее спецификой России было то, что у нас этот разрыв практически не сокращался до 1917 г. Культурная разорванность русского общества ставила перед национально мыслящими представителями дворянства болезненный вопрос о своем месте в составе русского народа – могут ли вообще представители этого «поврежденного класса полуевропейцев» (формулировка А.С. Грибоедова) считаться частью национального тела [Живов, 2008, с. 121–127]? С предельным драматизмом эту проблему отрефлексировал Грибоедов в своей «Загородной поездке». Там есть эпизод, где писатель случайно становится свидетелем какого-то деревенского праздника; слушая незнакомые ему крестьянские песни, он восклицает: «Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими! ... народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки! Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он конечно бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами» [Грибоедов, Загородная поездка...].

Нетрудно догадаться, что выход из этого положения Карамзин видел в русификации русского образованного общества. Как литератор он обращал внимание, в первую очередь, на развитие русского языка, видя своей главной задачей, чтобы русское дворянство снова начало говорить и думать по-русски: «Беда наша, что мы все хотим говорить по-французски и не думаем трудиться над обработыванием собственного языка» [Карамзин, 2010, с. 236]. С этим связана деятельность Карамзина как издателя – желая, чтобы русская образованная публика читала отечественную литературу, он выпускает первые в России литературные альманахи – сборники стихов («Аониды») и прозы («Аглая»); издает «Пантеон российских авторов».

Наконец, нельзя не сказать об еще одном казусе, с которым регулярно сталкивались русские консерваторы и националисты и который также обнаруживается в творчестве Карамзина: как защищать одновременно самодержавие и национальную традицию, если верховная власть сама подчас становится радикальным разрушителем традиций [Мусихин, 1999]? А таких примеров в последние 200 лет существования царизма было довольно много – петровская эпоха, реформы М.М. Сперанского и Александра II, Манифест 17 октября 1905 г. Карамзин, кажется, был первым, кто столкнулся с этой проблемой в «Записке о древней и новой России»: с одной стороны, самодержавие «есть палладиум России», Россия всегда «спасалась мудрым самодержавием» и само существование этого института придает целостность нашей тысячелетней истории; с другой стороны, Карамзину приходится признать, что самодержавие в лице Петра I произвело действия, катастрофичные по своим последствиям для всего русского общества, для национального духа, для многовековой традиции; а сейчас (в царствование Александра I) власть вторично хочет сделать вещи не менее страшные: отменить крепостное право, дать конституцию и т. д. «Всякая новость в государственном порядке есть зло», объявляет в «Записке» ее автор, но что делать, если причиной этого зла становится сила, как раз и призванная служить *основанием* государственного порядка? На мой взгляд, внятного ответа на этот вопрос Карамзин не дает, не смогли этого сделать и люди, в той или иной мере продолжавшие заложенную им интеллектуальную традицию. Русские консерваторы и националисты от славянофилов до черносотенцев, осознавая, что петербургская империя появилась в результате разрыва с предшествующей культурной традицией, и критикуя власть за то, что она является недостаточно русской, все же обращали свой гнев преимущественно на бюрократический аппарат, на это «средостение», которое стоит между царем и народом, но никогда на сам институт самодержавия. Национализм в дореволюционной России так и не разорвет своей прочной связи с консерватизмом и монархизмом, в итоге он будет совершенно отделен «от идей конституционализ-

ма, светскости и демократизма» [Миллер, 2012, с. 178]. Наверное, одно из немногих исключений – это декабристы, у которых как раз прослеживалась идея суверенной политической нации на французский манер: «Русская Правда» П.И. Пестеля, т. е. фактически конституция России, должна была быть принята от имени «Великого Народа Российского» [Там же, с. 170]. Поэтому хотя О.Ю. Малинова и полагает, что можно говорить о традиции русского либерального национализма в XIX – начале XX в., представленной именами В.С. Соловьева, Б.Н. Чичерина, П.Н. Милокова и пр. [Малинова, 2000, с. 76–121], все же мы найдем гораздо больше примеров симбиоза в России националистической и консервативной идеологии.

При этом интересно, что несмотря на преимущественно консервативный характер русского национализма у власти долгое время сохранялись довольно сложные отношения с ним. Помимо того, что любой национализм как бы априори вызывал подозрения в политической неблагонадежности из-за его идейной связи с революциями и восстаниями против имперской власти (например, польское восстание 1830–1831 гг.), существовала также боязнь, что националистический принцип подрывает традиционную имперскую легитимность элит [Лор, 2012, с. 15–16] и будет угрожать целостности империи. Ведь выделение каких-то элементов внутри имперского тела (с одной стороны русские, с другой – прочие народы) так или иначе разрывало единство империи, сегментировало ее [Тесля, 2014, с. 30; Rogger, 1962]. И не важно, шла ли речь о периферийном антиимперском национализме поляков или финнов, или о национализме «государствообразующего» русского народа. Ведь ряд русских националистов действительно ставили вопрос о том, что империя должна служить прежде всего интересам русской нации, что император Всероссийский есть прежде всего царь русских, а потом уже всех остальных: «Русский государь родился, вырос из Русской земли, он приобрел все области с русскими людьми, русским трудом и русской кровью! Курляндия, Имеретия, Алеутия и Курилия суть воскрылия его ризы, полы его одежды, а его душегрейка есть Святая Русь <...> видеть в государе не Русского, а сборного человека из всех живущих в России национальностей, это есть такая нелепость, которой ни один настоящий русский человек слышать не может без всякого негодования», писал М.П. Погодин в 1864 г. [Миллер, 2012, с. 178]. Отношение самодержавия к русскому национализму принципиально изменилось лишь с правления Александра III и особенно в годы царствования Николая II, когда острый кризис монархии заставил ее обратиться к крайнему национализму в лице «черной сотни».

Общие выводы

Как было показано в статье, Н.М. Карамзин вполне может рассматриваться как один из основоположников не только консервативного, но и националистического дискурса в России. При этом интерес к фигуре Карамзина в контексте разговора о зарождении идей национализма в России определяется, во-первых, глубиной его рефлексии – в своем творчестве Карамзин, по сути, реагирует на те же вопросы, что и многие его современники, но там, где у Д.И. Фонвизина или Я.Б. Княжнина видна лишь сатира драматургов, у Ф.В. Ростопчина эмоциональность памфлетиста («Всё по-французски, всё на их манер; пора уняться. Чего лучше быть русским?») [Ростопчин, Мысли вслух...]), Карамзин стремится выстроить более или менее стройную теоретическую конструкцию. Во-вторых, Карамзин сумел наметить ряд важных тем, которые и в дальнейшем будут волновать многих русских националистов (проблема культурного раскола в обществе, обоснование русской национальной специфики и пр.); Карамзин заложил и определенные мировоззренческие тенденции, присущие всему русскому национализму по крайней мере до 1917 г. (его сугубо консервативный и антизападнический характер, неотъемлемая связь с монархизмом). В-третьих, Карамзин в немалой степени способствовал появлению у русского национализма

какой-то реальной основы в виде готового исторического нарратива, собственной национальной традиции, к которой можно апеллировать, а также разработанного национального языка.

Вместе с тем, относя Карамзина к числу мыслителей, создававших националистический дискурс в России, стоит еще раз подчеркнуть, что в конце XVIII – первой половине XIX вв. в России затруднительно обнаружить идею национализма в чистом виде – патриотизм и национальная идентичность еще часто определяются в духе прежней донациональной эпохи через служение царю и православную веру. Так, Ф. Ростопчин в одной из своих антифранцузских «афишек» 1812 г. писал, что русские «одному Богу веруют, одному царю служат, одним крестом молятся» [Ростопчин, Афиши...]. То же самое находим и у славянофилов: «народность русская неразрывно соединена с православною верою. Вера – душа всей русской жизни» [Бадалян, 2006, с. 117] (А.И. Кошелев). Как мы помним, для Карамзина главный атрибут русскости – это любовь к царю.

Не было в большом ходу в обозначенный период времени и само слово «нация», гораздо чаще говорили о народе, затем в 1820-е гг. П.А. Вяземский изобрел слово «народность», которое начинает активно использоваться в образованном обществе, правда, его содержание оказывается еще не совсем ясным, разные авторы вкладывают в него различные смыслы [Там же, с. 113–115]; в конечном итоге термин «народность» подхватывает граф С.С. Уваров и привносит его в официальный дискурс (уваровская триада «православие, самодержавие, народность») как вариант перевода на русский язык слова «нация», которое бы не содержало нежелательных коннотаций – прежде всего, отсылок к конституции, политическому представительству и т. д. [Миллер, 2012, с. 168–169, 173–174].

В мою задачу не входит рассмотрение дальнейших перипетий развития русского национализма даже до 1917 г. – в истории этого идеологического течения было много интересных персоналий (от М. Каткова до П. Струве и В. Шульгина) и любопытных дискуссий вроде полемики о том, кого надо считать русскими (например, великороссов, малороссов и белорусов или же только великороссов), следует ли трактовать русскость как этническую, языковую, культурную или религиозную общность. У меня нет также возможности затронуть такую важную тему, как инкорпорирование национализма в официальную идеологию Российской империи, начало ее «национализации» при Николае I – в какой-то момент власть станет предпринимать целенаправленные усилия по утверждению национальной идентичности среди своих подданных: при дворе начнет активно использоваться русский язык, в России появится национальный гимн, русская история будет введена в качестве обязательного предмета в университетах [Суни, 2004, с. 163–199; Миллер, 2004]; апофеозом «официального национализма» (Б. Андерсон) станет политика русификации, проводимая на окраинах при Александре III, ставившая своей целью культурную ассимиляцию национальных меньшинств [Уортман, Сценарии власти...]. Все эти темы далеко отстоят от вопросов, волновавших Н.М. Карамзина и других интеллектуалов его эпохи, однако обратиться к истокам какого-то явления всегда бывает интересно.

Список литературы:

Альтшуллер, 2011 – *Альтшуллер М.* Шишков и Карамзин в споре о судьбах России // Литературовед. журн. 2011. № 28. С. 43–57.

Бадалян, 2006 – *Бадалян Д.А.* Понятие «народность» в русской культуре XIX века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. науч. трудов / Отв. ред. Н.Е. Копосов. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2006. С. 108–122.

Грибоедов, Загородная поездка... – *Грибоедов А.С.* Загородная поездка (отрывок из письма южного жителя) // Feb-web.ru. URL: http://feb-web.ru/feb/griboed/texts/orlov/sta59_9.htm (дата обращения: 24.11.2015).

Гринфельд, 2008 – *Гринфельд Л.* Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР-СЭ, 2008. 527 с.

Живов, 2008 – *Живов В.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое лит. обозрение. 2008. № 91. С. 114–140.

Карамзин, Записка... – *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Hist.msu.ru. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/karamzin.htm> (дата обращения: 24.11.2015).

Карамзин, 2007 – *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 12 т., в 3 кн. Кн. 1. М.: АСТ; Изд-во «Хранитель», 2007. 668 с.

Карамзин, 2010 – *Карамзин Н.М.* Мнение русского гражданина // *Карамзин Н.М.* Избр. тр. М.: РОССПЭН, 2010. С. 363–366.

Карамзин, 2002 – *Карамзин Н.М.* Наталья, боярская дочь // *Карамзин Н.М.* О древней и новой России. Избр. проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль, 2002. С. 27–53.

Карамзин, О случаях... – *Карамзин Н.М.* О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств // Karamzin.net.ru. URL: <http://www.karamzin.net.ru/lib/al/book/3538> (дата обращения: 24.11.2015).

Карамзин, Письма... – *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника // Rvb.ru. URL: http://rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/vol1/01prp/01.htm (дата обращения: 24.11.2015).

Карамзин, 1982 – *Карамзин Н.М.* Речь, произнесенная на торжественном собрании Императорской Российской Академии // *Карамзин Н.М.* Избр. ст. и письма. М.: Современник, 1982. С. 141–147.

Кром, 2006 – *Кром М.М.* Рождение «государства»: из истории московского политическо-го дискурса XVI в. // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Е. Копосов. СПб: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2006. С. 54–59.

Лор, 2012 – *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: НЛЮ, 2012. 301 с.

Малахов, 2005 – *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. Учеб. пособие. М.: КДУ, 2005. 315 с.

Малинова, 2000 – *Малинова О.Ю.* Либеральный национализм (середина XIX – начало XX вв.). М.: РИК Русанова, 2000. 254 с.

Межуев, 2011 – *Межуев В.М.* «Русская идея» в цивилизационном пространстве Русского мира // Русский мир как цивилизационное пространство / Под ред. А.А. Гусейнова, А.А. Кара-Мурзы, А.Ф. Яковлевой. М.: ИФ РАН, 2011. С. 9–49.

Миллер, 2004 – *Миллер А.И.* Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое изд-во, 2004. С. 263–285.

Миллер, 2008 – *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии ист. исслед. М.: НЛЮ, 2008. 240 с.

Миллер, 2012 – *Миллер А.* История понятия «нация» в России // Отеч. зап. 2012. № 1. С. 162–186.

Миллер, 2000 – *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 267 с.

Мусихин, 1999 – *Мусихин Г.И.* Противоречие авторитета и традиции в мировоззрении немецких и российских консерваторов // Полис. 1999. № 1. С. 175–184.

Наказ Императрицы – *Наказ Императрицы Екатерины II*, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб: Тип. Император. Акад. наук, 1907. 175 с.

Прокопович, 2010 – *Прокопович Ф.* Правда воли монаршей // Прокопович Ф. Избр. тр. М.: РОССПЭН, 2010. С. 328–382.

Ростопчин, Афиши... – *Ростопчин Ф.В.* Афиши 1812 года // Museum.ru. URL: <http://www.museum.ru/1812/Library/rostopchin/index.html> (дата обращения: 24.11.2015).

Ростопчин, Мысли вслух... – *Ростопчин Ф.В.* Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева // Az.lib.ru. URL: http://az.lib.ru/r/rostopchin_f_w/text_0120.shtml (дата обращения: 24.11.2015).

Суни, 2004 – *Суни Р.* Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова и др. Казань: Центр исслед. национализма и империи, 2004. С. 163–196.

- Тесля, 2014 – *Тесля А.* Первый русский национализм... и другие. М.: Европа, 2014. 280 с.
- Тишков, 2008 – *Тишков В.А.* Что есть Россия и российский народ // Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия»; НЛЮ, 2008.
- Уортман, Сценарии власти... – *Уортман Р.* Сценарии власти. Александр III и зарождение национального мифа // Polit.ru. URL: <http://polit.ru/article/2003/10/10/626716/> (дата обращения: 24.11.2016).
- Фонвизин, Несколько вопросов... – *Фонвизин Д.И.* Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание // Rvb.ru. URL: <http://rvb.ru/18vek/fonvizin/01text/vol2/02articles/259.htm> (дата обращения: 24.11.2015).
- Шишков, 2010а – *Шишков А.С.* Рассуждения о любви к отечеству // *Шишков А.С.* Избр. тр. М.: РОССПЭН, 2010. С. 257–277.
- Шишков, 2010б – *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге русского языка // *Шишков А.С.* Избр. тр. М.: РОССПЭН, 2010. С. 71–256.
- Cooper, 2008 – *Cooper D.* Narodnost' Avant la Lettre? Andrei Turgenev, Aleksei Merzliakov, and the Narodnost' National Turn in Russian Criticism // *The Slavic and East European Journal*. 2008. Vol. 52. No. 3. P. 351–369.
- Kohut, 2001 – *Kohut Z.E.* Origins of the Unity Paradigm: Ukraine and the Construction of Russian National History (1620–1860) // *Eighteenth-Century Studies*. 2001, Vol. 35. No. 1. P. 70–76.
- Martin, 1998 – *Martin A.* The Family Model of Society and Russian National Identity in Sergey N. Glinka's Russian Messenger (1808–1812) // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. No. 1. P. 28–49.
- Raeff, 1991 – *Raeff M.* At the Origins of a Russian National Consciousness: Eighteenth Century Roots and Napoleonic Wars // *The History Teacher*. 1991. Vol. 25. No. 1. P. 7–18.
- Rogger, 1962 – *Rogger H.* Nationalism and the State: A Russian Dilemma // *Comparative Studies in Society and History*. 1962. Vol. 4. No. 3. P. 253–264.
- Thaden, 1954 – *Thaden E.C.* The Beginnings of Romantic Nationalism in Russia // *The American Slavic and East European Review*. 1954. Vol. 13. No. 4. P. 500–521.
- Weber, 1976 – *Weber E.* Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France 1870–1914. Stanford: Stanford University Press, 1976. 615 p.

N.M. Karamzin and the Origin of Nationalist Discourse in Russia

Denis Letnyakov

PhD in Political Science, Senior Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: letnyakov@mail.ru

The paper is devoted to the process of formation of nationalist ideas in Russia by the late 18th and early 19th centuries. The author considers the conditions and the causes of the rise of these ideas, their development, as well as different collisions in the adoption of the European idea of nation in an autocratic empire with an estates system. It is shown that N.M. Karamzin played a crucial role in the genesis of the Russian nationalist discourse so his philosophical heritage should be estimated not only with reference to ideology of Russian conservatism but in the context of nationalism.

Keywords: N.M. Karamzin, nationalism, conservatism, ideology, Russia, Europe, nation, the people (narod)

References

- Al'tshuller, M. Shishkov i Karamzin v spore o sud'bach Rossii [Karamzin and Shishkov in the Dispute about the Fate of Russia], *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2011, no. 28, pp. 43–57. (In Russian)
- Badalyan, D.A. Ponyatie «narodnost'» v russkoi kul'ture XIX veka [The Concept of “Narodnost'” in Russian Culture of the 19 Century], *Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii. XVI–XX veka*. St.-Petersburg: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge Publ., Aleteiya Publ., 2006, pp. 108–122. (In Russian)

Fonvizin, D.I. *Neskol'ko voprosov, mogushchikh vozbudit' v umnykh i chestnykh lyudyakh osoblivoe vnimanie* [A Few Questions that may provoke Intelligent and Honest People's Especial Attention], [<http://rvb.ru/18vek/fonvizin/01text/vol2/02articles/259.htm>, accessed on 24.11.2015]. (In Russian)

Griboedov, A.S. *Zagorodnaya poezdka (otryvok iz pis'ma yuzhnogo zhitelya)* [A Country Trip (an Excerpt from the Letter of the Southern Resident)], [http://feb-web.ru/feb/griboed/texts/orlov/sta59_9.htm, accessed on 24.11.2015]. (In Russian)

Grinfel'd, L. *Natsionalizm. Pyat' putei k sovremennosti* [Nationalism. Five Roads to Modernity]. Moscow: PER SE Publ., 2008. 527 p. (In Russian)

Karamzin, N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo v XII tomakh*. [The History of the Russian State in XII volumes], v 3 knigakh. Kn. 1. Moscow: AST Publ., Khranitel Publ., 2007. 668 p. (In Russian)

Karamzin, N.M. *Mnenie russkogo grazhdanina* [The Opinion of Russian Citizen]. In: Karamzin N.M. *Izbrannye Trudy*. Moscow: Rosspen Publ., 2010, pp. 363–366. (In Russian)

Karamzin, N.M. *Natal'ya, boyarskaya doch'* [Natalia, Boyar's Daughter]. In: Karamzin N.M. *O drevnei i novoi Rossii. Izbrannaya proza i publitsistika*. Moscow: Zhizn' i mysl' Publ., 2002, pp. 27–53. (In Russian)

Karamzin, N.M. *O sluchayakh i kharakterakh v rossiiskoi istorii, kotorye mogut byt' predmetom khudozhestva* [On Cases and Characters of Russian History, which may be the Subject of Arts], [<http://www.karamzin.net.ru/lib/al/book/3538>, accessed on 24.11.2015]. (In Russian)

Karamzin N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler], [http://rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_01text/vol1/01prp/01.htm, accessed on 24.11.2015]. (In Russian)

Karamzin, N.M. *Rech', proiznesennaya na torzhestvennom sobranii Imperatorskoi Rossiiskoi Akademii* [Speech delivered at the Ceremonial Meeting of the Imperial Russian Academy]. In: Karamzin N.M. *Izbrannye stat'i i pis'ma*. Moscow: Sovremennik Publ., 1982, pp. 141–147. (In Russian)

Karamzin, N.M. *Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh* [A Note on the Ancient and Modern Russia in its Political and Civil Relations], [<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/karamzin.htm>, accessed on 24.11.2015]. (In Russian)

Krom, M.M. *Rozhdenie «gosudarstva»: iz istorii moskovskogo politicheskogo diskursa XVI v.* [The Birth of the “State”: from the History of Moscow's Political Discourse of the 16 Century], *Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii. XVI–XX veka*. St.Petersburg: European Univ. St.Petersburg Publ., Aleteiya, 2006, pp. 54–59. (In Russian)

Lor, E. *Russkii natsionalizm i Rossiiskaya imperiya: kampaniya protiv «vrazheskikh poddannyykh» v gody Pervoi mirovoi voyny* [Russian Nationalism and the Russian Empire: the Campaign against the “Enemy Subjects” during World War I]. Moscow: NLO Publ., 2012. 301 p. (In Russian)

Malakhov, V.S. *Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya. Uchebnoe posobie* [Nationalism as a Political Ideology. Study Guide]. Moscow: KDU Publ., 2005. 315 p. (In Russian)

Malinova, O.Yu. *Liberal'nyi natsionalizm (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [Liberal Nationalism (the middle of 19 – early 20 Centuries)]. Moscow: RIK Rusanova Publ., 2000. 254 p. (In Russian)

Mezhuev, V.M. «Russkaya ideya» v tsivilizatsionnom prostranstve Russkogo mira [The “Russian Idea” in Civilizational Space of Russian World], *Russkii mir kak tsivilizatsionnoe prostranstvo*. Moscow: IF RAN Publ., 2011, pp. 9–49. (In Russian)

Miller, A.I. *Imperiya i natsiya v voobrazhenii russkogo natsionalizma. Zametki na polyakh odnoi stat'i A.N. Pypina* [Empire and Nation in the Imagination of Russian Nationalism. Notes in the Margin of one Article A.N. Pypin], *Rossiiskaya imperiya v sravnitel'noi perspective*, ed. A.I. Miller. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004, pp. 263–285. (In Russian)

Miller A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [Romanov's Empire and Nationalism. An Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow: NLO Publ., 2008. 240 p. (in Russian)

Miller, A. *Istoriya ponyatiya «natsiya» v Rossii* [The History of the Concept of “Nation” in Russia], *Otechestvennye zapiski*, 2012, no. 1, pp. 162–186. (In Russian)

Miller, A.I. «Ukrainskii vopros» v politike vlastei i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.) [The “Ukrainian Question” in the Policy of the Authorities and the Russian Public Opinion (the Second Half of 19 Century)]. St.Petersburg: Aleteiya Publ., 2000. 267 p. (In Russian)

Musikhin, G.I. *Protivorechie avtoriteta i traditsii v mirovozzrenii nemetskikh i rossiiskikh konservatorov* [The Contradiction of Authority and Tradition in the Outlook of German and Russian Conservatives], *Polis*, 1999, no. 1, pp. 175–184. (In Russian)

Nakaz Imperatritsy Ekateriny II, dannyi Komissii o sochinenii proekta novogo Ulozheniya [The Empress Catherine II's Instruction to the Codification Commission], ed. N.D. Chechulin. St.Petersburg: Imperatorskaya akademiya nauk Publ., 1907. 175 p. (In Russian)

Prokopovich, F. *Pravda voli monarshei* [The Law of Monarch's Will]. In: Prokopovich F. *Izbrannye Trudy*. Moscow: ROSSPEN, Publ. 2010, pp. 328–382. (In Russian)

Rostopchin F.V. *Afishi 1812 goda* [Small Bills of 1812], [<http://www.museum.ru/1812/Library/rostopchin/index.html>], accessed on 24.11.2015]. (In Russian)

Rostopchin, F.V. *Mysli vslukh na Krasnom kryl'tse rossiiskogo dvoryanina Sily Andreevicha Bogatyreva* [Thoughts aloud on the Red Porch of the Russian Nobleman Sila Andreevich Bogatyrev], [http://az.lib.ru/r/rostopchin_f_w/text_0120.shtml], accessed on 24.11.2015]. (In Russian)

Suni, R. *Dialektika imperii: Rossiya i Sovetskii Soyuz* [Dialectics of Empire: Russia and the Soviet Union], *Novaya imperskaya istoriya postsovetского prostranstva*. Kazan': Tsentr issledovaniy natsionalizma i imperii Publ., 2004, pp. 163–196. (In Russian)

Teslya, A. *Pervyi russkii natsionalizm... i drugie* [The First Russian Nationalism... and Others]. Moscow: Evropa Publ., 2014, 280 p. (In Russian)

Shishkov, A.S. *Rassuzhdenie o lyubvi k otechestvu* [Discourse on Love of the Country]. In: Shishkov A.S. *Izbrannye trudy*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, pp. 257–277. (In Russian)

Shishkov, A.S. *Rassuzhdenie o starom i novom sloge rossiiskogo yazyka* [Discourse on the Old and New Styles of Russian Language]. In: Shishkov A.S. *Izbrannye trudy*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, pp. 71–256. (In Russian)

Tishkov, V.A. *Chto est' Rossiya i rossiiskii narod* [What Russia and the Russian People are], *Nasledie imperii i budushchee Rossii*. Moscow: Liberal'naya missiya Publ., NLO Publ., 2008, pp. 455–491 (In Russian)

Uortman, R. *Stsenarii vlasti. Aleksandr III i zarozhdenie natsional'nogo mifa* [Scenarios of the Power. Alexander III and the Emergence of a National Myth], [<http://polit.ru/article/2003/10/10/626716/>], accessed on 24.11.2015]. (In Russian)

Zhivov, V. *Chuvstvitel'nyi natsionalizm: Karamzin, Rostopchin, natsional'nyi suverenitet i poiski natsional'noi identichnosti* [Sensitive Nationalism: Karamzin, Rostopchin, National Sovereignty and the Search for National Identity], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2008, no. 91, pp. 114–140. (In Russian)

Cooper, D. *Narodnost' Avant la Lettre? Andrei Turgenev, Aleksei Merzliakov, and the Narodnost' National Turn in Russian Criticism*, *The Slavic and East European Journal*, 2008, vol. 52, no. 3, pp. 351–369.

Kohut, Z.E. *Origins of the Unity Paradigm: Ukraine and the Construction of Russian National History (1620–1860)*, *Eighteenth-Century Studies*, 2001, vol. 35, no. 1, pp. 70–76.

Martin, A. *The Family Model of Society and Russian National Identity in Sergey N. Glinka's Russian Messenger (1808–1812)*, *Slavic Review*, 1998, vol. 57, no. 1, pp. 28–49.

Raeff, M. *At the Origins of a Russian National Consciousness: Eighteenth Century Roots and Napoleonic Wars*, *The History Teacher*, 1991, vol. 25, no. 1, pp. 7–18.

Rogger, H. *Nationalism and the State: A Russian Dilemma*, *Comparative Studies in Society and History*, 1962, vol. 4, no. 3, pp. 253–264.

Thaden, E.C. *The Beginnings of Romantic Nationalism in Russia*, *The American Slavic and East European Review*, 1954, vol. 13, no. 4, pp. 500–521.

Weber, E. *Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France 1870–1914*. Stanford: Stanford University Press, 1976. 615 p.